

## ОТЗЫВ

официального оппонента

на диссертацию ЛУБНЫ САИД

«Исламизация государства, гендерных отношений

и повседневности в Пакистане»

(«Islamization of the State, Gender Relations and the Everyday in Pakistan»),

представленной на соискание ученой степени кандидата философских наук

по специальности 09.00.14– философия религии и религиоведение

Феномен исламизации как комплексный процесс, не только включающий религиозное, социальное, политическое и идеологическое измерения, но и поддерживаемый в повседневной жизни на уровне микрогрупп и местных сообществ, представляет собой интереснейший предмет религиоведческого познания – благо богатый материал для этого содержит современная социальная жизнь стран с мусульманским большинством. Особую актуальность изучению исламизации придаёт рост влияния ислама, исламизма и фундаментализма на жизнь мирового сообщества, на фоне небольшого числа взвешенных и квалифицированных, свободных от идеологической нагрузки трудов об исламизации в конкретных странах. В этом свете в диссертационном исследовании исламизации на материале Пакистана, предпринятом Лубной Саид, мне видится значимый вклад в развитие этого направления.

Избрав предметом проблему исламизации на трёх уровнях бытия пакистанского общества – политики, гендерных отношений и повседневности, Лубна поставила целью комплексный анализ этого процесса (Р. 12). Здесь сложны и объект, и проблема, поскольку религия, взятая в качестве ключевого и едва ли не единственного критерия объединения граждан Пакистана в нацию, а также используемая инструментально в политической и социальной жизни для легитимации власти и мобилизации общества, имеет тенденцию вытеснять на дальний план как потребности развития пакистанского общества в современном глобализирующемся мире, так и интересы и потребности людей с разными уровнями религиозности и культуры. Поэтому для достижения поставленной цели диссертант определила свою методологию, включающую два уровня – философско-теоретический (феноменологический подход, общие концепты религиозного национализма и живой религии (Р. 14–15)) и эмпирический (анализ повседневности с помощью метода эмпирической социологии – полуструктурированного интервью с 80 респондентами, представляющими разные регионы и разные возрастные группы (Р. 15–17)). Качественный анализ собранных Лубной первичных эмпирических данных интервью не только вводит в научный оборот целый ряд значимых фактов сознания и мнений респондентов с выраженной мусульманской идентичностью, но и проливает свет на малоизученные взаимосвязи между религиозной, социальной и культурной идентичностью в сознании людей, на которых десятилетиями влияет политическая исламизация.

В изучении исламизации как комплексного процесса проникновения религии во все сферы жизни общества современного Пакистана особенно важным является его описание и понимание *изнутри*, учитывая сознание людей, на которое с растущей силой воздействует ислам. Этот подход позволяет расширить и уточнить известную картину исламизации как государственной политики, проводимой в общесоциетальном масштабе этнокультурно неоднородного социума, то есть учесть, на какую «почву» в сознании, мышлении и поведении различных групп и слоёв пакистанского общества попадают усилия политиков, и как идеология «религиозной нации» становится обоснованием жизни для миллионов людей. И этот подход Лубна избрала в качестве основополагающего в своём религиоведческом труде: эмпирически выявить спектр мнений, убеждений и жизненных позиций обычных верующих пакистанцев-мусульман, изучить «голоса рядовых граждан» (Р. 4) и проанализировать усвоение и присвоение ими транслируемых властью через разные институты идеологием, практик и образцов поведения. Исследование подобного рода возможно только на основе детализированного концептуального аппарата, продуманной методологии и обращения к опыту людей, с одной стороны, вовлечённых государством в процесс исламизации, а с другой – практикующих верующих «живой религии» ислама. И диссертант со знанием дела строит методологию исследования темы, основываясь на новейших достижениях религиоведения и философии религии и продуманной интерпретации используемых понятий – «живой религии», исламизации, гендера, повседневности, религии в культуре. В первой главе диссертант последовательно раскрывает содержание каждой категории и развёрнуто показывает их применение в избранных исследовательских ситуациях. Лубна справедливо отмечает серьёзный пробел в анализе исламизации: на периферии внимания учёных находится гендерное измерение этого многогранного процесса – будь то в политической, социокультурной или повседневной сферах, которые при внимательном рассмотрении пронизаны гендерными ролями и моделями отношений.

Продуманной выглядит структура каждой из глав: теоретический анализ предмета главы (общая детализированная картина процесса исламизации в политике, гендерные вопросы в политике и эволюции общества, повседневная жизнь пакистанцев) задают контекст феноменологического анализа сознания и поведения пакистанских мусульман.

Во второй главе исламизация рассматривается как политический процесс – с приложением к нему категорий религиозного национализма и религиозного фундаментализма. Лубна справедливо отмечает беспрецедентность использования религии как единственной основы определения националистического проекта и формирования нации – как в истории современных государств, так и в истории религии, тем более что в исламе общность верующих полагается принципиально надэтнической и наднациональной (умма), заведомо превосходящей территориальные границы. Связанное с печально знаменитой «теорией двух наций», которая исторически

и для Мусульманской Лиги, и для британских властей сыграла роль идеологического обоснования раздела Британской Индии на два государства при предоставлении независимости, это представление оказалось актуализировано в политике нового независимого государства. В диссертации ясно показано, как М. А. Джинна изначально применил концепт «мусульманской нации» ко всем мусульманам, игнорируя этнолингвистическое и этнокультурное разнообразие нового политического сообщества, а ислам сделал маркером национальных границ (С. 51–52). Отсюда произошли и растущее влияние ислама в идеологии и политической практике Пакистана, и превращение государства из официально декларируемого исламского в актуальное, и подавление модернизационных процессов, и опора на традиционалистски и консервативно настроенные социальные круги, и т. д. Важный вывод Лубны – характеристика пакистанского религиозного национализма как «деградировавшего» (С. 56), – из-за подрыва либерального дискурса индивидуальной независимости людей в общем согражданстве фундаменталистским, ориентированным на социоцентристское видение общества и государства Пакистан. Здесь моё замечание касается только различения и отождествления категорий религиозного национализма и религиозного фундаментализма: в тексте они оказываются взаимообратимыми, хотя обозначают всё-таки разные феномены.

История нациестроительства во второй главе поэтапно описана как история исламизации: диссертанту удалось создать реальную картину того, как выглядит нациестроительство по религиозному принципу, когда религия, применяемая политиками инструментально, довольно скоро превращается в самодовлеющую цель. Особая удача Лубны – демонстрация разрушения прав и свобод меньшинств, в том числе мусульманских (ахмадие), посредством механизмов исламизации, не принимающей во внимание многообразие течений внутри ислама. В итоге исламизм фактически подчиняет себе применяющих его политиков. И здесь наиболее впечатляющий пример – Беназир Бхутто, правление которой Лубна обозначила как «теократический исламизм и талибанизацию» (С. 74–75). В масштабах общества очевидно, что исламизм в политике Пакистана большей частью поощряет противопоставление разных мусульманских общин друг другу и всплеск насилия и терроризма (С. 79) между ними.

На этом фоне впечатляет состояние сознания пакистанцев в их отношении к политике исламизации. С одной стороны, в нём и, соответственно, в обществе присутствует потенциал для преодоления религиозных установок и стереотипов о государстве и его роли в продвижении исламских ценностей: большинство не склонны к сектантству, а нетерпимость, насилие и религиозный терроризм оправдывают только те, кто индоктринирован специфическим религиозным образованием. Но с другой стороны, рядовые пакистанцы соглашаются с инкорпорацией ислама в государственную политику, несмотря на желание большего продвижения общества по пути модернизации и вхождения в современный мир (С. 81–82). Обращение к

мнениям и установкам рядовых граждан Пакистана помогло показать *неоднородность* исламизации на уровне государства – друг друга сменяют и конкурируют четыре концепции, по сути отличающиеся только нарастанием фундаменталистского содержания, а политика «умиротворения» исламистов ради их поддержки оборачиваются для общества затяжными конфликтами и усложняется закреплением этой негативной практики как образцовой – и воспроизводящей расколы и конфликты в обществе. Лубна своим исследованием политики исламизации показала, что независимо от того, какую партию или течение в исламе поддерживает политик, внутри общества неизменно создаётся состояние если не скрытой гражданской войны внутри нации, то перманентной напряжённости и насилия, – поскольку каждая из групп или течений заявляет о своей версии ислама как истинной, отвергая иные. Судя по описанной истории исламизации и состоянию общественного сознания, очевидно, что ни одной партии или лидеру не удалось учесть неоднородность ислама (в вероисповедном плане), тем более – положенного в основу нации! – у разных этнолингвистических групп, населяющих страну. Тогда как скрытая сила нации, по убеждению диссертанта, заключается именно в пакистанском этнолингвистическом и религиозном плюрализме, и на его признании можно было бы выстроить основание подлинного политического участия и в жизни государства, и в общенациональном различии (С. 84–85). Трудно не согласиться с этим выводом, как и с тем, что реализация только одного варианта нациестроительства на основе абстрактно понятого ислама – это опыт отрицательный, из-за его авторитарности и конфликтности, и потому он требует преодоления в реальности, которая всегда богаче любой умозрительной системы.

В третьей главе Лубна подробно анализирует исламизацию гендерных представлений и ролей в качестве социального механизма нациестроительства. Это встречный процесс, поощряемый государством с одной стороны, и находящий отклик у населения – с другой. Гендерное измерение исламизации поддерживается сложным переплетением традиционных обычаев, феодальных пережитков и религиозных установлений, которые создают общие условия подчинения и сверхэксплуатации женщин в пакистанском обществе.

Теоретический анализ гендерных вопросов, включённых в политическую повестку и социальную жизнь пакистанцев, приводит Лубну к значимому выводу о полномасштабном отчуждении женщин – от их самости (*я*), тела, семьи, религии, общества и цивилизации (С. 100–101). Отчуждение это создано жёсткой государственной политикой в отношении женщин, вчитыванием в националистический дискурс морали, сконцентрированной вокруг поведения и облика женщин (С. 87). Столь же важную роль играет в отчуждении готовность мужчин поддерживать и воспроизводить патриархальные практики, далеко не соотносимые с этическими требованиями Корана – навязывать затворничество, ограничивать социальную жизнь рамками семьи и заботы о детях и т. д.; также важна патриархальная социализация, целенаправленно приучающая женщин быть послушными и подчинёнными. Проведённый Лубной анализ текстов

Корана, касающихся отношений женщин и мужчин, выявляет комплекс метафизических, социальных, этических и эсхатологических оснований для эгалитарной модели гендера, не противоречащей исламу (С 101–103), хотя там же есть основания для прочтения этих отношений и в патриархальном духе. Диссертант обоснованно утверждает, что из возможных интерпретаций гендера в обществе избрана патриархальная версия иерархии и подчинения – соотносимая с традиционной культурой, но не особенно отвечающая современным императивам (С. 105–106). Результаты интервью обрисовывают не только убеждения и мнения, но и рационализацию гендерных отношений мужчинами – у большинства (исключая представителей слоёв с более высоким уровнем образования) доминирует патриархальный взгляд на обязанности, поведение и жизненное предназначение женщин, причём и последние в большинстве сами согласны с этими установками. Поведение и социальные роли мужчин на этом фоне не обсуждаются и не критикуются. Лубна делает вывод, что в условиях Пакистана имеет место тесное переплетение религиозных и культурных факторов гендерных отношений, в т. ч. ряд влияний и исторических заимствований из культур народов, исповедующих индуизм. Это безусловно серьёзное и важное обобщение выводит на отдельную интересную тему взаимных культурно-религиозных влияний народов, исповедующих ислам и индуизм. В частности, было бы интересно проследить, насколько сильным было влияние на мусульманские общины Индии брахманистских представлений о женщинах – о семейной чести, которая ставится в зависимость от женщин (и поэтому в высоких кастах их оберегают и запирают по домам) о родительском выборе брачного партнёров и т. д. Тем более что и пакистанцы-респонденты склонны увязывать отклонения от исламских норм и практик, которые «трудно отменить», «влиянием других культур» (С. 150–151). Для меня же весьма примечателен другой парадокс: ещё в Британской Индии XIX в. социальные мыслители и реформаторы порой были склонны объяснять обычаи затворничества индуистских женщин влиянием мусульман и ислама, а не исконными установлениями индуизма...

В целом, как показала Лубна, нерешённые вопросы нациестроительства, увязанные с гендером, вносят собственный вклад в поддержание насилия, нетерпимости и социальную фрагментацию общества. Без обращения к гендерному измерению исламизации, которое разработано диссертантом, этот феномен выглядел больше политическим процессом, однако именно гендер позволил увидеть социальную сторону исламизации, – не менее, а возможно, и более, нежели исследование повседневности.

Анализ повседневных практик и жизни в контексте религии и религиозности мусульман Пакистана (четвёртая глава) видится мне редким случаем удачного соединения культурологического и религиоведческого подхода в интерпретации культуры внутри религии и религии внутри культуры, с учётом множественных контекстов, в которых живут разные социальные группы. Общая картина повседневности со слов респондентов доказывает неразрывность культуры и религии и доминирование религиозности как в

мотивации действий и поведения, так и в культуре как таковой. Отсюда следует, что в целом культура Пакистана принимает исламские очертания, а люди следуют исламу под его растущим социорелигиозным давлением – во всех слоях общества, невзирая на социально-демографические и статусные характеристики (С. 158). При этом понимание ислама, знание о нём сильно дифференцировано и не всегда адекватно у разных групп респондентов – у каждой получается собственная версия ислама, сильно зависящая от источника знания о нём (в т. ч. от знания Корана в оригинале). Если учесть общую неоднородность групп и слоёв населения Пакистана, то на уровне повседневной жизни ислам оказывается важнейшим объединяющим их культурно-религиозным и социальным признаком, «самой культурой Пакистана» (С. 163), хотя он же служит фактором разобщения нации и конфликтности, т. к. каждый желает следовать исламу по-своему – в убеждении, что его знание обеспечивает его стремление «быть этичным и хорошим мусульманином» (С. 161).

Насыщенное эмпирическим материалом и его аналитическими обобщениями содержательное исследование Лубны Саид позволяет понять феномен исламизации как полномасштабный процесс нациестроительства, идущий на всех уровнях общественной жизни и увидеть его противоречивый характер и последствия. В этом я вижу безусловную новизну проделанной работы и её результатов.

К сказанному добавлю некоторые замечания.

Если исламизация является ключевым компонентом нациестроительства в Пакистане, и фактически последнее принимает форму исламизации, то вызывает вопрос отсутствие упоминания среди трудов и концептов классической монографии Бенедикта Андерсона «Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма»<sup>1</sup>. Тем более что в случае с Пакистаном, исторически – с момента образования независимого государства после раздела Британской Индии – имеет место государственное нациестроительство, исходящее из идеи «мусульманской нации» – удивительного гибрида западогенного термина «нации» (в трёх значениях – государственность, нация-согражданство и этнонация) и религиозной идентичности. В диссертации раздел 2.1 начинается с описания религиозного национализма, и именно Б. Андерсон в своей книге раскрывает социальные аспекты нациестроительства – как интеллектуального, так и институционализированного.

Другое замечание – скорее совет исследователю. Респонденты часто ссылаются на инокультурные влияния (преимущественно индуистские), когда объясняют разного рода негативные практики и обычаи, не соответствующие, по их словам, исламу и его нормам. Сам факт, что они *осознаются* как инокультурные и неисламские, но продолжают сохраняться (в том числе в практике гендерных отношений), очень интересен, и влияние этих практик на

---

<sup>1</sup> Anderson Benedict. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. L., N.Y., Verso, 2006.

повседневность в процессах исламизации можно более детально проследить, учитывая и этническую неоднородность пакистанского общества.

Высказанные замечания никоим образом не снижают моей высокой оценки диссертации Лубны, являясь рекомендациями для её новых религиоведческих исследований.

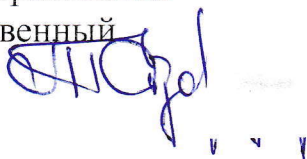
Исследование Лубны значительно обогащает разработку темы исламизации в странах с мусульманским большинством через анализ «живой религии», а также в научную религиоведческую интерпретацию гендерного измерения религиозности. И безусловно, диссертация заслуживает переработки в монографию и издания.

Автореферат полностью отражает содержание диссертации, также как и 4 публикации соискателя, среди которых 3 статьи в журналах, входящих в перечень рецензируемых изданий ВАК РФ.

Диссертационное исследование Лубны Саид «Исламизация государства, гендерных отношений и повседневности в Пакистане» соответствует специальности 09.00.14 – философия религии и религиоведение. Диссертация соответствует всем предъявляемым к кандидатским диссертациям требованиям пункта 9 Положения о присуждении ученых степеней в Федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина», принятого на Учёном совете УрФУ 23 сентября 2019 г. Автор диссертации Лубна Саид заслуживает присуждения ученой степени кандидата философских наук по специальности 09.00.14 – философия религии и религиоведение.

11 декабря 2020 г.

Доктор философских наук,  
кандидат исторических наук,  
доцент, профессор кафедры «Теория  
и практика социальной работы»  
Федерального государственного бюджетного  
учреждения высшего образования  
«Пензенский государственный  
университет»



Скороходова Татьяна Григорьевна

Адрес организации: 440026, Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40

